

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ё ЦЭНТРАЛЬНАЙ І ЁСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ё 1921–1941 гг.

УДК 327((47+57)+438)«1921-1939»

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921–1939 гг.)

А.К. Гецевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230005, г. Гродно, Республика Беларусь, a.gecevich@grsu.by

В статье рассматриваются основные направления национальной политики польской государственной администрации в 1921–1939 гг. в отношении белорусского и еврейского населения Западной Беларуси.

Ключевые слова: Западная Беларусь; Польша; национальная политика; белорусы; евреи; программа; прометеизм.

АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ПАЛІТЫКІ ПОЛЬСКАГА ЁРАДА Ё МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД (1921–1939 гг.)

А.К. Гецевіч

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшкі, 22, 230005, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь, a.gecevich@grsu.by

У артыкуле разглядаюцца асноўныя кірункі нацыянальнай палітыкі польскай дзяржаўнай адміністрацыі ў 1921–1939 гг. у адносінах да беларускага і яўрэйскага насельніцтва Заходняй Беларусі.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; Польшча; нацыянальная палітыка; беларусы; яўрэі; праграма; праметэізм.

MAIN DIRECTIONS OF THE NATIONAL POLICY OF THE POLISH GOVERNMENT IN THE INTERWAR PERIOD (1921–1939)

A. Gecevich

Yanka Kupala Grodno state University, Grodno, Ozheshko str., 22. 230005, Grodno, Republic of Belarus, a.gecevich@grsu.by

The article examines the main directions of the national policy of the Polish state administration in 1921–1939. in relation to the Belarusian and Jewish population of Western Belarus.

Keywords: Western Belarus; Poland; national policy; Belarusians; Jews; program; prometheism.

После окончательного оформления территории и определения границ Польши в 1921 г. перед властями страны встал вопрос формирования политики национального строительства. Польское государство межвоенного времени было многонациональным по этническому составу, однако стало унитарным в плане государственного устройства. Правовой основой национальной политики межвоенной Польши были международные соглашения (Малый Версальский договор, подписанный Польшей 28 июня 1919 г., Рижский мирный договор 18 марта 1921 г.) и акты польского законодательства, в частности, конституции Польши 1921 и 1935 гг. [1, с. 2–5].

В национальной политике Польши выделялись три модели: инкорпорационная (национал-демократическая), консервативная и либерально-демократическая.

Концептуальные основы первой модели были сформулированы среди правых политических сил Польши в 1919–1921 гг., одним из её авторов был Р. Дмовски, ставший министром иностранных дел Польши в 1923 г.

Национально-демократическая концепция предлагала отдавать предпочтение национальным интересам поляков в ущерб другим национальностям. Польская культура представлялась высшей, цивилизованной, в то время как культуры белорусов и украинцев, составлявших большинство в восточных воеводствах Польши, рассматривались как слабые, неразвитые. Программным лозунгом национал-демократов (или сокращённо – эндэков) был «Польша для поляков», а главной жизненной необходимостью ими признавалось преобразование восточной политической границы с БССР и УССР в границу польской нации, этническую границу [2, с. 19]. Инкорпорационной программой предусматривалась ассимиляция белорусов и украинцев через польские школы, культурно-просветительские организации и учреждения, службу в армии и в административно-полицейском аппарате. В то же время вопрос об ассимиляции евреев, чья численность в межвоенной Польше по состоянию на 1931 г. составляла 3 млн. 113,9 тыс. человек (или 9,8 %)

от всего населения страны, был более сложным для разрешения [2, с. 14]. В итоге евреи стали рассматриваться эндеками как представители чуждого цивилизационного течения, и было решено изолировать их от общественной жизни, как неподдающихся ассимиляции.

Постулаты *консервативной модели* во многом повторяли элементы концепции национал-демократов, но были менее радикальными, отводя на первое место в национальной политике государственную ассимиляцию, которая понималась как формирование у всех граждан Польши польского гражданского патриотизма независимо от их национальной принадлежности.

Либерально-демократическая модель поддерживалась либеральными и социалистическими польскими партиями, частью польской интеллигенции. Положительно оценивая идеи территориальной автономии белорусов и украинцев, культурной автономии евреев, идеологи либерально-демократической модели, тем не менее, стояли на позициях государственной ассимиляции, рассматривая как первичные интересы польской государственности. Взгляды представителей данной модели национальной политики на положение национальных меньшинств и непольских этносов отличались разнородностью. Так, социалист Л. Василевский, признавая необходимость создания условий для развития культуры белорусов, украинцев, евреев, тем не менее, отрицал сам факт существования в Польше русского национального меньшинства, называя русских и их культуру «пережитком русификаторской эпохи», а население полесского региона, где также проживали белорусы и украинцы, в перспективе предлагал полонизировать [2, с. 20–21].

В национальной политике польского государства выделялось несколько этапов. Первый период охватывал 1921–1926 гг. и характеризовался политикой национальной ассимиляции, то есть реализацией концепции эндеков о жёсткой, конфронтационной полонизации непольского населения в рамках схемы «одно государство – один народ». После майского государственного переворота 1926 г. в национальной политике Польши наблюдалась определённая либерализация, наметился переход от насильственных методов формирования польского самосознания у непольских этносов и этнических групп к более мягким, однако сама цель – полонизация

непольского населения страны – не изменилась. Следует отметить, что на местах национальная политика реализовывалась по-разному: некоторые польские чиновники не особо стремились к большему учёту интересов непольского населения, а в конце 1920-х гг. и вовсе вернулись на привычные им позиции национальной ассимиляции [2, с. 26–27]. Другие же, например, полесский воевода (глава воеводства – крупной административной единицы Польши) Я. Крагельски, критикуя репрессии против белорусского национального движения, в то же время заявлял о необходимости запрета использования русского языка в государственных учреждениях и сокращения численности русского населения в воеводстве [2, с. 30].

С середины 1930-х гг. в связи с ухудшением международной обстановки в руководящих кругах Польши произошёл переход к политике, направленной на нивелирование национально-культурных особенностей населения страны. Кроме того, Польша прекратила сотрудничество с Лигой Наций в деле обеспечения прав национальных меньшинств [1, с. 2–5]. Как результат, во второй половине 1930-х гг. польские власти начали закрывать и без того немногочисленные культурно-просветительские проекты белорусов, украинцев, литовцев, активизировалась политическая и культурная полонизация. В стране усилились антисемитские настроения, основным средством решения еврейской проблемы в 1930-х гг. стала рассматриваться эмиграция. Всего с территории Польши за 1920–1930-е гг. выехало почти 400 тыс. евреев [2, с. 32–35].

Таким образом, вплоть до сентября 1939 г. в национальной политике Польши ведущей оставалась инкорпорационная модель национальной политики, направленная на ассимиляцию славянских этносов и вытеснение из общественной жизни и даже страны евреев. Малые этноконфессиональные группы (литовцы, русские-старообрядцы, татары) рассматривались как незначительный элемент, чью деятельность можно разрешить при общей лояльности к польскому государству и ограничить при отрицании ими принадлежности к польскому народу в широком смысле слова. Однако следует отметить, что подобная дискриминационная национальная политика польского государства не увенчалась успехом по ряду причин. Во-первых, недостаточное финансирование культурно-просветительских мер по полонизации населения приводило к тому, что достаточно небольшой

процент непольского населения был охвачен различными польскими просветительскими проектами. Так, в 1938/1939 учебном году в Западной Беларуси не посещали школу более 100 тыс. детей [3, с. 66–71]. Во-вторых, несмотря на чёткий приоритет полонизации, польские власти вплоть до 1933–1936 гг. разрешали деятельность национальных партий и общественных организаций белорусов, украинцев, литовцев, евреев, с помощью которых последние активно противостояли польской ассимиляционной политике, сохраняя свои культурные ценности в тех непростых политико-правовых условиях [4, с. 5].

Политика польских властей в отношении еврейского национального меньшинства во второй половине 20-х – 30-е гг. XX в. была противоречивой и непоследовательной.

Осенью 1926 г. (после майского переворота), когда Ю. Пилсудский занял пост премьер-министра II Речи Посполитой, ему пришлось решать судьбу 600 тысяч евреев, которые не имели польского гражданства. Речь шла об эмигрантах из России и прибалтийских стран, которые нашли в Польше убежище от политического или национального преследования. Они не имели польских паспортов и фактически являлись гражданами второй категории. Кроме того, им грозила депортация в страны, откуда они приехали. По этому вопросу Пилсудский высказался однозначно: «Дайте им польские паспорта. Польша не может себе позволить иметь граждан второй категории, которые будут ее ненавидеть». После этого разговора за короткий срок 600 тысяч еврейских беженцев получили паспорта и права польских граждан [5, с. 130]. Это дело не получило широкой известности, и о нем знал лишь узкий круг людей в тогдашнем правительстве Польши.

На территориях, ранее входивших в состав Австро-Венгрии и России, в том числе и в западнобелорусском регионе, существовали некоторые правовые ограничения для еврейского населения. Статья 126 польской Конституции 1921 г. декларировала необходимость отмены этих ограничений. В 1924 г. к этой проблеме обращался Высший Суд Польши, а также Высший Административный Трибунал. Еврейское представительство в польском парламенте не раз вносило проекты ликвидации ограничений, однако эти предложения не выходили за рамки обсуждений в конституционной комиссии парламента. Только в 1930 г. на заседании Сейма был принят законопроект, в котором говорилось, что «ограничение прав, которые содержатся в правовых

актах, изданных в возрожденном польском государстве, и которые противоречат статье Конституции о равенстве граждан, не имеют обязательной силы». Этот законопроект был подписан всеми членами Кабинета министров и вступил в силу 10 мая 1931 г. [6, s. 240].

Исполнительной власти необходимо было разработать механизм практической реализации прав еврейского населения, что было сложнее, чем просто их декларирование. Вместо этого в скором времени появились проекты введения новых правовых ограничений для евреев.

В 1932 г. в Польше началась государственная реформа школьного образования. Официально разрешалось существование двух типов школ: государственных и частных. К государственным учреждениям образования были отнесены школы, которые пользовались поддержкой государственных органов и местных городских советов. Все остальные школы были зачислены в категорию частных. Открытие последних разрешалось только после того, как Министерство просвещения получит точные данные о материально-технической базе школы и морально-патриотических настроениях ее педагогического состава.

Данная реформа на законодательном уровне давала право польским властям не допускать открытия еврейских школ, которые имели недостаток финансовых средств. Кроме того, реформа давала им возможность останавливать деятельность уже существовавших национальных учебных заведений. Их закрытие можно было осуществлять по следующим критериям: недостаточная профессиональная подготовленность педагогических кадров; перерыв в учебном процессе более чем на три месяца без серьезных причин; несоответствие политической программы руководства школы государственной политике и т.д. [7, с. 85]. Таким образом, данная реформа позволила установить идеологический контроль над частными школами и поставила под угрозу существование еврейских учебных заведений.

В условиях нарастающего экономического кризиса общественно-политическая ситуация в Польше обострилась. Национальные демократы обвиняли евреев в экономических проблемах Польши и использовали для искоренения их из сферы торговли и свободных профессий такой метод, как бойкот. Типичным примером антисемитской пропаганды эндеков (национальных демократов)

являлась фраза: «Каждый еврей в бизнесе означает голодную польскую семью» [8, л. 20]. В журналах «Торговый еженедельник» («Tygodnik Handlowy») и «Торговец – мир торговли» («Kupiec – Świat Kupiecki») начали публиковать статьи антисемитского характера. Позже началась активная кампания бойкота евреев в торговле и социальной сфере [9, с. 153].

В 1930-е гг. антисемитизм в польском обществе был обычным явлением. Попыткой дать отпор волне антисемитизма стали акции протеста евреев, прошедшие по всей Польше. Еврейские общины многих городов выразили солидарность с Комитетом еврейских парламентариев и Центральным правлением еврейских партий, которые объявили протест антисемитским выступлениям [10, с. 275].

В апреле 1936 года парламент утвердил закон, который ограничивал ритуальный забой животных (шхита). Основным мотивом принятия данного законодательного акта был экономический: стремление исключить еврейских торговцев из сферы оборота, связанной с крупным рогатым скотом и мясом. С экономической точки зрения запрет шхиты угрожал исключением из местного рынка большого количества покупателей: евреи составляли более 25% сельского населения, а в некоторых регионах около 50% [11, с. 43]. Для сельского хозяйства, которое испытывало проблемы со сбытом, этот закон означал снижение цен. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Министерство сельского хозяйства выступило против законопроекта. Однако оно стремилось только добиться некоторых уступок в рамках этого закона, но не изменить факта правового вмешательства в религиозную сферу. В марте 1938 г. закон снова был утвержден Сеймом.

В такой социально-экономической и правовой ситуации у части еврейского населения началась смена мировоззрения. Его новые черты проявились в критике ранее абсолютных авторитетов, формальное исполнение религиозных обязанностей. В 1937 г. правление Гродненской еврейской общины получило письмо от группы раввинов, которые обращали внимание на то, что распространилась практика проведения в больших синагогах платных мероприятий по субботам, что противоречило базовым нормам иудаизма [12, с. 233]. Полицейские чиновники, анализируя политическую жизнь евреев Гродненщины, отмечали, что ортодоксы из-за отсутствия прогресса и несовременности

взглядов не пользовались поддержкой местного еврейского населения, а их деятельность не распространялась дальше молитвенных домов [13, л. 159].

Среди факторов, которые влияли на отношения властей и еврейского населения, была так называемая «новая еврейская политика», в основе которой лежала идея, что «новый еврей» обладает национальным самосознанием и должен с достоинством добиваться своих прав как свободный человек [14, с. 205].

Таким образом, после установления режима санации евреи занимали в польском обществе весьма своеобразное положение. С одной стороны, еврейское население было более лояльной частью национальных меньшинств, которое не представляло угрозы существованию польского государства. С другой стороны, евреи, которые проживали в Западной Беларуси, являлись наиболее маргинальным элементом региона. Не имея своего национального государства, евреи стремились сохранить свою идентичность. Однако в то же время наблюдался постоянный и неуклонный процесс отрыва части евреев от традиционной среды. Права еврейского населения II Речи Посполитой гарантировались международными соглашениями, Конституцией Польши, однако не всегда сохранялись на практике.

В отношении местного населения польским правительством на протяжении 1920–1930-х гг. проводилась политика, получившая в историографии название «политика восточных крессов». Её окончательной целью было активное включение вновь приобретенных восточных территорий в культурную жизнь страны через постепенную полонизацию местного населения.

Укрепление польского влияния на территории Западной Беларуси осуществлялось по нескольким направлениям:

- снижение уровня национально-культурного самосознания местного непольского населения;
- убеждение местного населения в том, что оно является частью польского этноса (например, по результатам переписей населения 1921, 1931 гг.);
- активная информационно-пропагандистская работа.

Значительное место в формировании нового сознания отводилось образованию, формированию новых культурных традиций, туризму.

Власти рассчитывали, что вовлечение местного населения в научно-образовательную и культурно-просветительскую деятельность польских проправительственных структур и организаций снизит интерес белорусского меньшинства к борьбе за национально-освободительное движение.

Поэтому на протяжении всего межвоенного двадцатилетия польское правительство шло на политику сознательного отказа от партнёрского сотрудничества с белорусским населением в культурно-просветительской сфере. Очевидно, что такое отношение официальных властей получило ответную реакцию национальных меньшинств восточных регионов Польши и напряженное отношение к польскому национальному сегменту в регионе.

Вместе с тем белорусское национальное движение в 20–30 годы XX в. в рамках Второй Польской республики боролось за равные с поляками условия культурного развития через издание соответствующих нормативных документов, которые могли бы гарантировать белорусскому населению свободного использования родного языка, системы школьного образования, культурной жизни.

Впрочем, в начале 1920-х годов в польских правительственных кругах появилась концепция «прометеизма», поддержанная лично Ю. Пилсудским. Основная цель концепции сводилась к формированию благоприятных условий культурного развития среди населения из вновь присоединенных регионов Беларуси и Украины. Впрочем, нельзя не отметить, что данная концепция носила и другую не менее важную цель – снижение советского влияния на населения новых регионов. Поэтому в основе новой концепции предусматривалось сотрудничество в сфере местного самоуправления, разрешение деятельности белорусских хозяйственных, культурных, образовательных национальных организаций и их государственное финансирование.

В сфере культуры концепция предусматривала, в частности, возможность создания частных национальных школ и культурно-просветительских учреждений. Впрочем, то, что было изложено на бумаге, в реальной жизни практически не реализовывалось. Причиной тому стало расхождение мнений в среде польской элиты относительно степени реализации политики «прометеизма» [15, s.11].

На этапе 1921–1924 гг., когда в сложных экономических, внутри- и внешнеполитических условиях происходило формирование Второй

Польской республики, «концепция прометеизма» стала скорее пропагандисткой, нежели реально осуществляемой. Польское правительство было заинтересовано в заигрывании в национально-культурном вопросе как со странами Западной Европы, так и с национальными организациями Западной Беларуси и Украины. Фактически, уже начиная с 1924 года, когда удалось реально совладать с экономическим кризисом, укрепить внешнеполитический курс, правительство В. Грабского начало отходить от заявленных в концепции направлений сотрудничества, сконцентрировав своё внимание на постепенном увеличении полонизации населения восточных воеводств Польши. Очевидность такого шага было продемонстрировано боязнью властей перерастанием культурно-просветительской деятельности национальных меньшинств в политическую с выработкой соответствующих требований по национально-культурной автономии региона или даже его независимости.

Период санации, начавшийся в 1926 году, не изменил направления правительства по отношению к национальным меньшинствам, политика постепенной культурно-просветительской полонизации региона продолжалась. Впрочем, ставку правительство сделало не только на местное польское население, но и на подрастающее поколение белорусов, которому через систему школьного образования и молодежных организаций планировалось привить ценности польской государственности.

В связи с этим на территории Западной Беларуси стала формироваться сеть польских молодежных организаций. Вместе с тем, польские проправительственные организации не смогли в корне изменить ситуацию в среде белорусского меньшинства, в среде которого, вплоть до 1939 года, превалировало желания обучения на родном языке, сохранение национальных культурных и религиозных традиций.

В 1930-е годы в культурной политике государства четко прослеживается подход, согласно которому в стране сложилась одна нация с вкраплениями отдельных этнических групп (белорусы, украинцы).

Это нашло отражение и в официальной статистике. Особенно красноречива в этом отношении перепись населения Польши 1931 года (таблица 1).

Таблица 1 – Белорусы в составе населения Польши (по переписям 1921 и 1931 годов) [16, Т. XX, s. 46; 59]

Воеводства	Год	Всего, тыс. чел.	Белорусы, тыс. чел.	Белорусы, % от общего
Белостокское	1921	1 305	119	9,1
	1931	1 644	206	12,5
Виленское	1921	476 (*)	225	47,2
	1931	1 276	290	22,7
Новогрудское	1921	823	310	37,6
	1931	1 057	413	39,0
Полесское	1921	881	375	42,6
	1931	1 135	75	6,6
другие	1921	22 209	6	0,0
	1931	26 805	5	0,0
Польша в целом	1921	25 694	1 035	4,6
	1931	31 916	989	3,0

(*) данные по Виленскому воеводству за 1921 г. даны без учёта населения г. Вильно и уездов Вильно-Троки, Ошмянского и Свентянского.

Результаты переписей с самого начала вызвали острые споры. Безусловно, статистика населения по языковому принципу являлась недостоверной, тем более сами польские власти ставили цель увеличить процент польского населения. Перепись 1921 г. содержит 38 тысяч т.н. «тутэйшых», а перепись 1931 г. – 707 тысяч т.н. «тутэйшых» в Полесском воеводстве. Распределить т.н. «тутэйшых» между белорусами и украинцами довольно сложно.

В пояснениях к переписи 1921 г. К. Сраковский подчеркивал, что белорусов-католиков часто относили к полякам, поэтому белорусов в Польше было до 1,6 млн., а в Виленском, Полесском и Новогрудском воеводствах – до 1,5 млн. чел. [17, s. 56–58]. Такого же мнения придерживался А. Крысинский, при этом добавлял, что во время переписи 1931 года по языковому признаку многие белорусы выбрали польский [18, s. 52]. В послевоенное время дискуссию вызвали цифры, представленные З.Ландау и Е.Тамашевским. Количество белорусов в 4 воеводствах они оценивали в 1 948 тыс., а во всей Польше – 1 954 тыс.

[19, s. 91–92; 121]. К белорусам они отнесли всех, кто придерживался православного вероисповедания, в т.ч. русских и украинцев.

Решение «белорусского вопроса» находилась в зависимости от реализации в целом федералистических планов по восстановлению Речи Посполитой, что в реальных условиях становления польской государственности и военных действий принимала затяжной характер. Создание временных институтов польской гражданской администрации должно было парализовать на некоторое время сторонников немедленного присоединения оккупированных областей Польши и давала Ю. Пилсудскому возможность маневра на внешнеполитической арене в вопросе восточных границ. В этих условиях идея создания федеративного государства носила пропагандистский характер.

Начиная с 1926 года, периода установления санационного режима, внутривнутриполитическая ситуация в Польше характеризовалась противоречивым отношением правительства к национальным меньшинствам. Если в первые годы своего существования «санация» «заигрывала» с представителями национальных меньшинств, то в последующий период она проводила куда более жёсткую политику. Это привело к расколу среди политических партий Польши. Одни группировки продолжили борьбу за установление полного национального равноправия на основе Конституции 1921 г., другие – перешли к открытой поддержке режима «санации».

Белорусское национальное движение в Польше межвоенного двадцатилетия достаточно быстро прошло обратный путь от идеи создания независимого государства к национально-культурному возрождению. Только вот реализация даже этой идеи потребовала на практике не только достаточного уровня национального сознания, но и опыта определенной политической борьбы.

Библиографические ссылки

1. Загидулин, А.Н. Формирование конституционно-правового статуса белорусов как национального меньшинства в Польше в 1921–1939 гг. // Человек и общество в системе современных научных парадигм. 2018. № 1. С. 2–5.
2. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст : БрДУ, 2008.
3. Вабішчэвіч, А.М. Паміж паланізацыяй і асіміляцыяй: этнакультурная сітуацыя ў Заходняй Беларусі ў другой палове 1930-х гадоў // Беларуская думка. 2009. № 7. С. 66–71.

4. Рабышка, В. Э. Этнапалітычныя працэсы ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гадах: аўтарэф. дыс. канд. гістар. навук. Мінск, 2004.
5. Wolkonowski, J. Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wilenszczyźnie 1919–1939. Białystok: WUB, 2006.
6. Żydzi w Polsce odrodzonej. Działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna: w 2 cz.; pod red. I. Schipera, A. Tartakowera, A. Hafftki. Warszawa, 1932. Cz. 2.
7. Мошук, А.В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Мошук. Минск, 2007.
8. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zespół 1184. Sygnatura 975/5. Месячныя адчэты аб грамадзянска-політычным руху і нацыянальных меншасцях за 1931 г.
9. The Jews of Poland between two world wars / edited by Y. Gutman. – Hanower; London: University press of New England, 1989.
10. Струнец, С. Антисемітызм у міжнародных адносінах у Заходняй Беларусі 1939–1941 гг. // Матэрыялы Седьмой Ежэгоднай Міжнароднай Міждысцыплінарнай канферэнцыі па іудаіцы: у 2 ч. М.: Пробел, 2000. Ч. 1. С. 273–282.
11. Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1990.
12. Соболевская, О. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О. Соболевская, В. Гончаров. Донецк: Норд-Пресс, 2005.
13. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 662. Оп. 3. Д. 6.
14. Sztop-Rutkowska, K. Stosunki polsko-żydowskie w Białymstoku w perspektywie historycznej // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. под ред. У.Д. Розенфельда. Гродно: ГрГУ, 2001. Ч. 1. С. 203–210.
15. Mikulicz, S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971.
16. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. T. XIX. Województwo Białostockie. Warszawa, 1927; T. XX. Okręg administracyjny Wileński. Warszawa, 1927; T. XXI. Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1926; T. XXII. Województwo Poleskie. Warszawa, 1926.
17. Srokowski, K. Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich. Krakow: Gebethner i Wolff, 1924.
18. Krysinski, A. Ludność polska a mniejszości w Polsce w świetle spisów ludności 1921 i 1931. Warszawa, 1933.
19. Landau, Z. Robotnicy przemysłowi w Polsce 1918–1939. Materialne warunki bytu 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971.